

стали появляться не только уже известные, но и новые национальные вопросы, которые, в свою очередь, жёстко сплетались не только друг с другом, но и с главными противоречиями в жизни российского государства и общества. Государственная дума в военных условиях оставалась единственной легальной неподцензурной площадкой для обсуждения национальных проблем. Но при этом проявились все изъяны третьеиюньской системы, которая, с одной стороны, ограничила полномочия Думы, с другой – сократила представительство окраин и административным давлением обеспечила правоцентристский состав думского большинства. Причём планка обсуждения национального вопроса в военный период резко повысилась за счёт привнесения в дискуссии в зале Таврического дворца всей остроты как международных, так и межнациональных противоречий и конфликтов. Союзниками малочисленных в IV Думе национальных фракций, критиковавших правительенную политику и боровшихся против усиливающихся ксенофобии и нетерпимости, оказались не столько близкие им идеологически кадеты, которые ориентировались на укрепление Прогрессивного блока и формирование ответственного правительства, сколько стоявшие на классовых интернационалистических позициях социалисты. Лояльность представителей национальных думских элит, заявлявших о поддержке лозунга «единой и неделимой России» и российского правительства в войне, даже в условиях оккупации противником губерний, от которых они были избраны, не встречала ответных шагов со стороны власти, что наглядно проявилось в обсуждении польского вопроса. В таких условиях последовательное отстаивание национальных интересов способствовало превращению национальных фракций в центры притяжения общественных сил и организации легальной внедумской работы. Национальным фракциям и нерусским депутатам упорно противостояли правые и русские националисты, которые не только отторгали идею равноправия подданных империи, но и считали необходимым ужесточение ограничительной политики для «инородцев». В итоге нерешённость в годы Первой мировой войны национальных вопросов для поляков, украинцев, евреев, немцев, армян и мусульман и восприятие их как «других» – «чужих» послужили одной из весомых причин углубления общеноционального конфликта и распада Российской империи.

Отношение российских мусульман к Первой мировой войне

Салават Исхаков

В 1914–1918 гг. многомиллионное российское мусульманство, населявшее Поволжье, Урал, Сибирь, Кавказ, Крым и Среднюю Азию, в той или иной степени участвовало в военной, социально-экономической, политической и культурной жизни Российской империи, с февраля 1917 г. – демократической России, а с октября – уже Советской. Мусульмане состояли в российских политических партиях и различных общественных организациях, участвовали в

работе Государственной думы¹. Часть мусульман воевала на фронтах Первой мировой: в армию призывали башкир и татар, представители же других мусульманских народов могли служить в ней лишь как добровольцы.

Скреплённые мощным общим религиозным фактором, российские мусульмане, тем не менее, сохраняли свои национальные, социальные и культурные различия. Неодинаковыми оказались и степень их интеграции в имперское общество и российскую государственность, уровень развития капитализма, городской и сельской культуры, образования населения и т.д. Положение мусульманских трудящихся масс оставалось очень тяжёлым (Средняя Азия, например, находилась в империи на положении колонии), а уровень их русской грамотности был низким. Не случайно, имея в виду канун Первой русской революции, депутат I Государственной думы А.М. Топчибашев (один из основателей Азербайджанской Республики (1918–1920), министр иностранных дел и председатель её парламента) писал, что при отсутствии законности неумение и неспособность к мирному сожительству с нерусскими народами, подозрительное и недружелюбное отношение к ним, низкий уровень местной русской администрации и многие другие дефекты русского государственного строя стали причиной того, что 25–30-миллионное мусульманство всё более отчуждалось от Российского государства и не любило олицетворявшую его власть².

Отечественная историография рассматриваемой темы совсем не велика (она лишь вскользь затрагивалась в ряде публикаций³) и к тому же содержит мифологизированные утверждения о том, что к началу Первой мировой со стороны мусульман существовала панисламистская/пантюркистская угроза расчленения России, хотя состоявшееся ещё весной 1914 г. Особое совещание по мусульманским делам доказало, что ничего подобного не было⁴. Тем не менее такие утверждения, широко использовавшиеся, в частности, зарубежной историографией времён холодной войны, закрепились и в российской научной литературе. Так, С.М. Червонная утверждает, что в годы войны мусульманские политики-эмигранты, находясь в Европе, якобы вынашивали планы создания независимого от России Туркестана и восстановления Крымского и Казанского ханств⁵. У.Ю. Идрисов, С.Б. и О.Н. Сенюткины, Ю.Н. Гусева считали, что во

¹ Во всех её составах была мусульманская фракция. Так, в IV Государственной думе (1912–1917) в оппозиционной мусульманской фракции, поддерживавшей Прогрессивный блок, состояли 6 депутатов (председатель – кадет М.-К.Б. Тевкелев).

² Из истории азербайджанской эмиграции: Сборник документов, произведений, писем. М., 2011. С. 110–111.

³ См.: Сенюткин С.К. Мусульманские вооружённые формирования в России периода Первой мировой войны // Армия и общество в условиях перемен: Материалы международной научной конференции. Н. Новгород, 1997. С. 224–225; Шарангина Н. «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (Солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3/4. С. 177–184; Исхаков С.М. Первая мировая война глазами российских мусульман // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 419–431; он же. Тюрки-мусульмане в российской армии (1914–1917 гг.) // Тюркологический сборник. 2002 год. М., 2003. С. 245–280; Гатауллина Л.Р. Патриотическая пропаганда на страницах татарской прессы 1914–1915 гг. // Роль истории в формировании патриотизма и толерантности. Казань, 2007. С. 114–123; Опрышико О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007; Наганава Н. Мусульманское сообщество в условиях мобилизации: участие волго-уральских мусульман в войнах последнего десятилетия существования Российской империи // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII–XX вв. М., 2011. С. 217–225; Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М., 2011.

⁴ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. Казань, 2011. С. 26.

⁵ Червонная С.М. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 162.

время войны власти «стремились удержать российских мусульман в рамках России»⁶. Позднее О.Н. Сенюткина написала о том, что в начале XX в. имперское руководство настораживали планы создания единого Туранского государства в границах от Балкан до Китая⁷. По характеристике историографии данного вопроса, предложенной Е.Ю. Семёновой, одни авторы отмечали лояльность мусульман к царской власти, другие обвиняли турецкое правительство и эмигрантов-мусульман в разжигании в России антимусульманских настроений⁸. Цель настоящей статьи – показать эволюцию отношения российского мусульманства к Первой мировой войне, прежде всего со стороны солдат, интеллигентов, священнослужителей, общественных и политических деятелей.

С первых дней мировой войны для населения мусульманских районов России был характерен немалый патриотический подъём. Мобилизация в армию прошла там достаточно спокойно, имели место верноподданнические манифестации горожан, мусульманские депутаты Государственной думы делали громкие заявления о верности царю, а представители буржуазии устраивали сборы средств на военные нужды, открывали столовые, госпитали и т.п. Депутаты-мусульмане, например, участвовали в состоявшемся 27 июля 1914 г. в петроградской Соборной мечети торжественном молении для призванных на военную службу мусульман. После молитвы ахун С. Баязитов произнёс речь, посвящённую участию российских мусульман в боях с врагами России, начиная со времён Петра I. Затем все находившиеся в мечети вышли на Каменноостровский проспект с возгласами: «Да здравствует государь, да здравствует Россия, да здравствует армия!». Из Уфы оренбургский муфтий М. Султанов и мусульмане города отправили Николаю II телеграмму с выражением верноподданнических чувств. 28 июля царь обратился к уфимскому губернатору: «Передайте мусульманскому населению Уфы мою благодарность». 5 августа в Москве около памятника Минину и Пожарскому на Красной площади во время следования через неё царя со свитой собралось около тысячи московских мусульман, многие из которых были одеты в национальные одежды. Возглавляли их московские муллы⁹. В Казани татарская буржуазия совместно с мусульманским духовенством организовали «демонстрацию монархического патриотизма»¹⁰, чтобы воочию показать власти готовность мусульман с оружием в руках защищать самодержца, сложить за него свои головы. К этому призывали и муллы в мечетях, возносившие молитвы о даровании победы русской армии. В октябре 1914 г. в войну на стороне Германии вступила Османская империя, и её шейх-уль-ислам призвал всех мусульман Антанты объявить «священную войну» против своих правительств, но муфтий Султанов тут же обратился к российским мусульманам с призывом выступить против единоверной Турции¹¹. В этом его поддержала татарская пресса: уфимская газета «Тормыш» («Жизнь»)

⁶ Идрисов У.Ю., Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX – 30-х годах XX века. Н. Новгород, 1997. С. 112.

⁷ Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007. С. 332.

⁸ Семёнова Е.Ю. Историография проблемы мировоззрения российского общества в Первую мировую войну // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 216.

⁹ Народы и области. 1914. № 3–5. С. 54–55.

¹⁰ Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань, 2005. С. 78.

¹¹ Исхаков С.М. Первая мировая война... С. 420.

31 октября 1914 г. заявила, что мусульмане, оскорблённые обвинением в панисламизме и пантюркизме, теперь воодушевлены патриотическими чувствами и добровольно исполняют долг перед Отечеством¹². А оренбургская газета «Вакыт» («Время») 10 сентября 1914 г. писала, что мусульмане, являвшиеся братьями по религии туркам, – это, прежде всего, подданные России¹³. Так российские мусульмане вынуждены были выбрать – религиозное братство или гражданский долг перед родиной. Верх всё же взяла надежда, что после победы России, Англии и Франции (самых крупных держав в мире с мусульманским населением) и в Российской империи восторжествуют либерализм, демократия и право на свободную жизнь для всех больших и малых народов. Отношение же к побеждённой Турции со стороны правительства стран-победительниц, по мнению мусульман, станет более щадящим, так как они должны будут принять во внимание религиозные чувства своих сограждан¹⁴. Казахи, например, по словам кадета М. Тынышпаева (депутат II Государственной думы, в 1917 г. член Всероссийского Учредительного собрания, премьер-министр и министр внутренних дел Временного правительства автономного Туркестана), накануне Февральской революции 1917 г. считали, что если победят русские, будет хорошо России, значит, хорошо будет и им; в случае же победы Германского блока враги дойдут до Казахстана и опустошат города, сёла, поля, зимние пастбища, разграбят имущество, одну часть казахов перебьют, другая вынуждена будет бежать¹⁵. Тынышпаев и другие интеллигенты-мусульмане старались повлиять на солдатские массы, оказывая необходимую им и их семьям помощь.

В конце октября 1914 г. в адрес градоначальника Петрограда поступило прошение о разрешении созвать в столице съезд представителей мусульманских общественных организаций, подписанное председателем комитета по постройке мечети в Петрограде генерал-майором А.А. Давлетшиным, председателем Петроградского мусульманского благотворительного общества З. Шамилем (внуком знаменитого имама Шамиля) и главой Общества распространения просвещения среди мусульман А. Сыртлановой. 6 декабря съезд мусульманских благотворительных обществ, куда прибыли делегаты от Архангельска, Астрахани, Баку, Казани, Москвы, Оренбурга, Петрограда, Томска, Уфы, а также Крыма и Средней Азии, открылся молитвой о здравии царской семьи и победе русской армии. В итоге пятидневных заседаний было решено: организовать на Кавказском фронте санитарный отряд, учредить Центральный комитет и его местные отделения для сбора средств, выделив из них 10% на оказание помощи детям раненых и погибших на фронте солдат, добиться содействия крымского, закавказского и оренбургского муфтиев в деле мобилизации мусульманского сообщества для оказания материальной и духовной помощи воинам и членам их семей. Отделения этого Временного мусульманского комитета устраивали концерты, театральные спектакли, киносеансы и т.д. Представители интеллигенции полагали, что мусульманам следовало придать своему вкладу в общее дело защиты Отечества национальную окраску, рассчитывая на получение

¹² Наганава Н. Указ. соч. С. 219.

¹³ Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань, 2003. С. 142.

¹⁴ См.: Archives du Ministere des Affaires Etrangeres de France, serie E. Sous-serie Russie d'Asie, dossier 40, f. 135–137. Ксерокопия подлинника на французском языке предоставлена д. полит. наук Б.И. Садыковой (Алматы).

¹⁵ Движение Алаш: Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г.–декабрь 1917 г. Т. 1. Алматы, 2004. С. 200 (на казах. и рус. яз.).

мусульманским сообществом различных благ от власти¹⁶. Особую активность при этом проявили представители мусульманских иерархов. Так, в ознаменование вступления Николая II в должность Верховного главнокомандующего 23 августа 1915 г. новый оренбургский муфтий Баязитов вместе с духовными лицами пяти мечетей Уфы 28 августа организовал массовую пятничную молитву о здравии и благоденствии царской семьи, а также о даровании победы русскому оружию. Баязитов сообщил в МВД, что «эти чувства, несомненно, разделяются и всеми мусульманами вверенного мне округа, являющимися верными и преданными сыновами своего царя и Отечества»¹⁷. В эту территорию входили Европейская Россия и Сибирь. Претензии муфтия на роль общероссийского религиозного лидера, однако, были безосновательны – он не пользовался популярностью среди мусульман из-за своей близости к власти, являясь фактически чиновником-марионеткой. То же можно сказать и о предыдущем муфтии Султанове. Несмотря на пафосные заявления, Султанов дискредитировал себя, призвав российских мусульман воевать против единоверцев, а Баязитова по требованию мусульманской общественности сразу же после падения самодержавия в 1917 г. арестовала новая власть.

В императорской армии в годы Первой мировой войны насчитывалось от 800 тыс. до 1.5 млн мусульман, что превышало численность воевавшей на Кавказе против России армии турецкого султана. Зная о цензуре, солдаты-мусульмане были очень осторожны при написании писем домой, но те немногие из них, что сохранились до наших дней, свидетельствуют: война воспринималась людьми как нечто чуждое, воинский долг понимался ими как защита своего народа, а не власти, от которой они достаточно натерпелись¹⁸. Помимо писем мусульман-фронтовиков ценнейшим историческим источником для исследователей стали байты – солдатские стихотворения, которые уже в первые месяцы войны привлекли внимание представителей татарской интеллигенции. К примеру, в московской татарской газете «Иль» («Родина») 1 декабря 1914 г. была помещена заметка, в которой писатель и журналист Г. Рахим сообщал, что среди раненых мусульман в лазаретах есть слагатели песен, которых народ очень любит. Каждый татарский аул имеет своего «певца». Случится в ауле более или менее шумная история, и вскоре про неё уже слагается песня. И про Первую мировую войну уже появились песни-байты, которые писали в лазаретах незаметные для других поэты и рассылали в письмах по аулам. Рахиму случайно попались в руки две таких песни, составленные участниками боевых действий в самом подлинном народном духе. Первое произведение, написанное призванным из Тетюшского уезда Казанской губ. С. Хамидуллиным, имело вид книги с надписью на обложке: «Песня про войну. Составлена по поводу войны, возникшей в 1914 году между Россией и Германией с Австрией»¹⁹. Подобные сборники выходили в Казани и Уфе в 1914–1916 гг. сравнительно большим тиражом, и у некоторых изданий он превышал 20 тыс. экземпляров²⁰. Общий

¹⁶ Наганава Н. Указ. соч. С. 220–222.

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ Исхаков С.М. Первая мировая война... С. 424–425.

¹⁹ См. подробнее: Рахим Г. Среди раненых мусульман // Инородческое обозрение. 1915. Кн. 11. С. 859–862.

²⁰ Батырджсан. Стихи о современной войне. Казань, 1914, 1915 (на татар. яз.); Стихи о Европейской войне. Казань, 1914; 1915 (на татар. яз.); Биктемир. Солдатское письмо. Иллюстрированные стихи о войне. Казань, 1915 (на татар. яз.); Г.С. Стихи о войне. Казань, 1915, 1916 (на татар. яз.); Рашиди Г.Г. Стихи о войне. Казань, 1916 (на татар. яз.); и др.

тираж издававшихся в татарских типографиях таких небольших брошюр в эти годы насчитывал около 200 тыс. экземпляров, составителями их были представители мусульманской интеллигенции. При помощи такой литературы они вели работу среди единоверцев, особенно тех, кому ещё только предстояло отправиться на фронт.

Американская исследовательница Д. Росс попыталась детально проанализировать отношение солдат-мусульман к войне и российскому правительству, изучив около 20 байтов (она назвала их военными балладами), написанных выходцами из Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний в 1914 – начале 1920-х гг.²¹ (при этом не приведена датировка конкретных источников, что резко снижает уровень их достоверности: написанное в начале 1920-х гг. уже скорее воспоминания, а не отражение текущих событий военных лет и их соответствующих переживаний и мыслей). В байтах, согласно заключению Росс, представлены личный опыт, раздумья и внутренний мир авторов-солдат, но более широкий контекст, в котором бы существовала русская армия, почти пропадал из виду²². Однако с таким утверждением нельзя согласиться, так как в некоторых стихотворениях представлена иная картина. «Кто победит... Россию? Не победят её, хотя бы пришли ещё пять таких, как Германия, государства. Наша Россия покорила себе столько земель и прославилась своею храбростью на весь мир... Есть ли кто такой храбрый, как наш солдат»²³, – сказано в одном из солдатских стихотворений, опубликованных в Уфе и Казани в 1914 и 1915 гг. в сборнике «Европа сугыш бяете» («Стихи о европейской войне»).

Характеризуя отношение к царю и государству со стороны мусульман, Росс указывает, что те видели причину войны не только в воле правителей Германии и/или Австро-Венгрии, но и русского царя, также ответственного за вспыхнувший конфликт²⁴. Но в одном из сочинённых в конце 1914 г. байтов, опубликованных в Казани М.Х. Курмашевым в сборнике «Европа сугышы халляренен бяете» («Стихи о европейской войне»), солдат-мусульманин писал именно о российском государстве, а не о царе: «Война эта началась из-за Австрии и Венгрии с Сербией. *Наше государство* (здесь и далее курсив мой. – С.И.) решило оказать помощь Сербии и объявило о своём решении»²⁵.

По мнению Росс, мало кто из авторов мог продемонстрировать свои патриотические чувства, чтобы оправдать политику Российского государства. В основном они упоминали тех, против кого они воевали, но очень редко о том, за кого или за что, т.е. за империю или за родину²⁶. Однако в байтах сборников М.Х. Курмашева, а также Г.М. Габдулманова (Абдулмянева) «Сугыш жырлары» («Военные песни»), вышедшего в Уфе в 1914 и 1915 гг., высказывания солдат патриотичны: «Толпами уходят воевать юноши, старики остаются, читая молитвы и роняя слезы»; «Пришёл приказ от государя о призывае на войну, и в тот же день мы выехали, чтобы не отстать от других. Мы идём на войну

²¹ Росс Д. Гог, Магог и аэроплан: татарская народная литература как ответ на войну (1914–1922) // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. Международный коллоквиум. (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). Научные доклады. СПб., 2013. С. 45.

²² Там же. С. 52.

²³ Цит. по: Инородческое обозрение. 1916. Т. II № 4–5 (далее – Инородческое обозрение). С. 349.

²⁴ Росс Д. Указ. соч. С. 52.

²⁵ Цит. по: Инородческое обозрение. С. 359–360, 364.

²⁶ Росс Д. Указ. соч. С. 53, 54.

защищать родной край в невиданные места, далеко – в чужие края»; «Буду я сражаться до смерти, несмотря ни на что, и до тех пор, пока не увижу столицы неприятеля»; «Едем мы, чтобы сделаться воином, чтобы пожертвовать собою за родину» (солдат называл её «наша Россия»); «За кого мы, друзья, воюем? – За вас, за родину... Придёт время, друзья, когда успокоится мир и прекратятся эти великие войны... Мы с вами ещё встретимся радостно, если цела будет моя душа... Вы молитесь только, чтобы мы возвратились живыми, победив их»²⁷.

Росс констатировала, что исключение образов русских, государства и указывающих на принадлежность солдат к Российской империи обрядов или знаков показывает не столько на недостаток патриотизма у писавших байты, сколько на отсутствие среди них чувства единства с Россией²⁸. Однако очевидно, что сделанные исследовательницей выводы носят однобокий характер. Росс называет также отношение их авторов к царю «покорностью», которую, как она полагает, не нужно путать с верноподданническими чувствами к императору или с преданностью Российскому государству. По её мнению, солдаты-мусульмане в этой войне не преследовали никакой иной цели, кроме одной – выжить²⁹. О том, чтобы не погибнуть, естественно, думал не только фронтовик-мусульманин, но и любой участник боевых действий. Однако в некоторых байтах солдаты, думая о возможной смерти, акцентировали внимание на ином: «Даже на войне, похожей на Страшный суд, человек не умирает, если нет смерти»; «Иные тут же умирают и будут они в числе умерших благочестивой смертью, если только умерли с верой в Бога»³⁰. Эти авторы полагали, что погибшие таким образом станут шахидами, попадут сразу в рай. Что касается покорности, то мусульманам с детства внушали, что измена присяге, данной на верность государю, не допускается Кораном. Они имели «прочное понятие о правах и об обязанностях»: «гражданин обязан повиноваться законам, правительству», «должен быть верен Отечеству», должен любить его, следя сказанному пророком Мухаммедом: «любовь к Отечеству равносильна вере в Аллаха»³¹.

Между тем за годы войны каких-либо заметных позитивных изменений в общественно-политической и духовной жизни мусульман в России не происходило, что вызывало у них сильное недовольство властью. По воспоминаниям казаха М. Чокаева (в 1917–1918 гг. члена Туркестанского комитета Временного правительства, члена Учредительного собрания, председателя правительства Туркестанской автономии, в 1930-х гг. находившегося в эмиграции в Европе), во время войны «вынужденный и официальный патриотизм некоторых не может покрыть собою настроение народа в целом. Внутри России мы безмолвны. Нет силы кричать. Нет путей для открытого выражения наших пожеланий»³². Здесь имелись в виду мусульманские депутаты Государственной думы, за эти годы так и не ставшей для них трибуной для публичного выражения главных интересов их избирателей и для защиты их требований. Такой трибуной стала Европа, где действовали эмиссары российских мусульман, осведомлённые об изменениях их настроений в отношении к власти.

²⁷ Цит. по: Инородческое обозрение. С. 350, 352–354, 358, 361, 363.

²⁸ Росс Д. Указ. соч. С. 56.

²⁹ Там же.

³⁰ Цит. по: Инородческое обозрение. С. 356, 363.

³¹ Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 175.

³² Исхаков С.М. Тюрки-мусульмане в российской армии... С. 248.

10 мая 1916 г. либеральная стокгольмская газета «Dagens Nyheter» («Новости дня») опубликовала текст посланной накануне Лигой инородцев России от имени ряда населяющих Россию нерусских народов телеграммы президенту США В. Вильсону, подписанной известными общественно-политическими мусульманскими деятелями (азербайджанскими журналистами А. Агаевым и А. Гусейн-заде, татарами кадетом Ю. Акчурином и муллой А. Ибрагимовым, бывшим членом Оренбургского магометанского духовного собрания): «Мы, русские магометане, в количестве 25 миллионов, обвиняем русское правительство в том, что нас вечно угнетали. Нам незаконно препятствуют в исправлении своих религиозных обрядов и подвергают политическому преследованию. Нас лишили нашей земли, чтобы подарить её разным русским фаворитам и вельможам. Всячески препятствуют развитию нашей культуры, на всех поприщах мы подвергаемся ограничениям. *Во время войны нет никакой справедливости. Нас преследуют и обращаются с нами жестоко*³³. Эти слова подтверждали их общее мнение о том, что появившиеся во время войны надежды российских мусульман на улучшение своего положения и изменение отношения к ним со стороны власти не оправдались.

Не случайно все вышеперечисленные деятели возглавили делегацию мусульман, принявшую участие в работе III конгресса созданного ещё до войны в Париже Союза народов. Конгресс проходил 27–29 июня 1916 г. в Лозанне, куда прибыли представители 27 народов, населявших Российскую империю. В различные дни на форуме присутствовали от 40 до 400 представителей практически всех малых народов Европы, всего же вместе с гостями там находились около тысячи человек, в том числе высокопоставленные чиновники и депутаты из европейских стран.

На одном из заседаний Акчурин, выступая от имени татарского народа, заявил, что русское правительство, взимавшее очень высокие налоги со своих подданных, ни гроша не тратило на их духовные и культурные нужды, поэтому «татары прежде всего хотят для себя культурной автономии. *Война очень дорого стоила татарскому народу*, но кровь его сынов служит лишь укреплению и размаху российского имперализма. Если татарский народ получит режим, способствующий его свободному развитию, то он внесёт свой вклад в общий прогресс человечества». Затем представитель казахского народа заявил, что казахи требуют равноправия, национальной и религиозной автономии и возвращения земель, отнятых у них русскими переселенцами. Выступивший от имени черкесов отметил, что захват Россией его родины является несправедливостью, и сотрудничество с русским народом стало невозможным. По мнению же дагестанского представителя, 1.5 млн мусульман Северного Кавказа и Дагестана постоянно находятся на осадном положении и потому просят европейцев избавить их от управления из Петрограда³⁴.

Известная французская исследовательница Э. Каррер д'Анкосс по поводу этого съезда пишет, что делегат от Средней Азии потребовал якобы полной независимости для её народов, восстание же, начавшееся несколько недель спустя в Средней Азии, показало, что местное население испытывало «крайнее

³³ ГА РФ, ф. 102, оп. 260, д. 74, л. 38, 39 об., 41 об., 42; Les Annales des Nationalités. 1916. № 4–5. Р. 76.

³⁴ Les Annales des Nationalités. 1916. № 9–11. Р. 261–262, 263, 264; Compte rendu sommaire de la III-me Conférence des Nationalites réunie à Lausanne 27–29 juin 1916. Lausanne; Ouchy, 1916. Р. 30–32, 43–45.

настроение»³⁵. Следует возразить – не это стало причиной восстания, а прежде всего опрометчивое предложение царского премьера Б.В. Штюремера призвать на оборонительные работы мусульман Средней Азии, ранее освобождавшихся от призыва в армию. В результате был принят злополучный закон «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобождённых от воинской повинности инородцев империи», вызвавший в регионе антирусское восстание. Для расследования его обстоятельств туда выезжали депутаты Государственной думы А.Ф. Керенский и Тевкелев, возложившие вину за случившееся на царских администраторов и местных чиновников³⁶. Неумелыми действиями последних воспользовались и внешние враги, в частности Германия. О её подрывных действиях в Средней Азии в челябинской газете «Власть народа» заявил сопровождавший Керенского в этой поездке Чокаев. По его мнению, к началу мировой войны германские торгово-промышленные компании в Туркестане вели агитацию среди мусульман, чтобы «настраивать их против всего русского, и деятельных помощников на этом поприще они быстро нашли себе в лице переселившихся выходцев из Германии. Подобно Туркестану, таковым же способом и с не меньшим результатом, благодаря недальновидности русских властей, работали германцы в Хиве и Бухаре»³⁷.

Тем временем разочарование действиями царского правительства стали выражать и мусульманские политики, активизировавшиеся в самой России. Как отметил немецкий историк К. Ноак, 1916 г. стал началом возрождения мусульманского движения³⁸ в связи с вызванными войной перспективами внутритиражийских преобразований, в частности, активизировалась работа членов бюро при мусульманской фракции IV Государственной думы³⁹. Изменился и тон мусульманской прессы. Так, татарский писатель эсер Г. Исхаков, имевший большое влияние на общественные настроения, в своей статье «Какова цена войны?», опубликованной 24 июля 1916 г. в московской газете «Сюз» («Слово»), написал: «Война продолжается уже два года. Невозможно подсчитать, сколько человеческой крови и слёз пролито за эти два года. Их невозможно измерить. Количество разрушенных городов, сожжённых деревень, разбитых дорог известно только Аллаху. Без сомнения, в данный момент невозможно назвать точную цифру общих потерь, смертей и разрушений, для определения этого потребуется большая и тщательная работа. Но можно приблизительно оценить потраченные на войну средства. Не является тайной, сколько и как потратили правительства, и каковы размеры долгов различных государств»⁴⁰.

Действия властей вызывали сильное неприятие среди многонационального населения Российской империи, о чём свидетельствует, в частности, телеграмма, направленная председателем Лиги инородцев России М.М. Лэмпицким британскому премьер-министру Г. Асквиту в декабре 1916 г.: «Мы, инородцы России,... страдаем и переносим тяжкие обиды. Многие миллионы финляндцев,

³⁵ Kapper d'Ankoss Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007. С. 141.

³⁶ См.: Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 85–86.

³⁷ Власть народа (Челябинск). 1918. 11 июля.

³⁸ Noack Ch. Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917. Stuttgart, 2000. S. 491.

³⁹ А.М. Топчибаш: документы из личных архивов. 1903–1934 гг. М., 2012. С. 166–167.

⁴⁰ Исхаки Г. Сочинения: в 15 томах. Т. 7: Публицистика (1915–1916). Казань, 2008. С. 270–272 (на татар. яз.).

прибалтийцев, литовцев, белорусов, поляков, украинцев, татар и народностей Средней Азии по распоряжению русского правительства высланы и умирают с голода, ограблены и умерщвлены. Наша национальная культура, наша вера преследуются... 97 миллионов инородцев... терпят ужасные страдания и... страстно требуют восстановления их человеческих прав»⁴¹. От оптимистических настроений, наблюдавшихся в начале войны среди российских мусульман, к концу 1916 г. не осталось и следа.

После Февраля 1917 г. у мусульманской общественности впервые появилась возможность открыто выразить своё отношение к войне. И оказалось, что после падения самодержавия мусульмане поддержали новое Временное правительство, призывающее к защите российской демократии и продолжению войны до победы. Так, в резолюции Уральского областного съезда казахов, состоявшегося в Уральске 19–22 апреля 1917 г., определено: «Съезд признаёт, что война должна быть доведена до уничтожения германского милитаризма, угрожающего миру всего мира»⁴². Того же пожелали участники Всероссийского мусульманского съезда, который прошёл в Москве в мае 1917 г. Меньшевик мусульманин-осетин А. Цаликов (в 1917–1918 гг. член Предпарламента и Учредительного собрания, председатель Всероссийского мусульманского совета) выступил там с большим докладом «Мусульмане России и война». «Мусульмане России в огромном большинстве своём – демократия, – говорил он. – И их политика может и должна быть политикой демократии. Но мусульмане остаются в то же время и мусульманами – особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь общие мусульманские идеалы и интересы... Вместе с демократией России мы должны требовать, чтобы Временное правительство опубликовало те договоры и соглашения, которые были заключены царским правительством с нашими союзниками, поскольку в этих договорах и соглашениях нет военной тайны. Мы должны требовать, чтобы были аннулированы все договоры и соглашения, в которых предусматривается раздел того или другого народа не только в Европе, но и в Азии и Африке. В своём отношении к войне рабочая демократия провозгласила лозунг: мир без аннексии и контрибуции на основах самоопределения национальностей. Мы принимаем этот лозунг, но, дабы не оставалось никаких сомнений, считаем нужным добавить следующую фразу: “где бы эти национальности ни находились – в Европе, Азии или Африке”... 1) Мы считаем источником мировой бойни империалистические стремления господствующих классов Европы и как мусульмане мы протестуем против империалистической политики, где бы и в чём бы она ни выражалась, так как мусульмане всего мира – жертва европейского империализма. 2) Мы приветствуем историческое обращение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, обращённое к трудящимся всего мира. 3) Наш лозунг мир без аннексий и контрибуций на основах самоопределения национальностей Европы, Азии и Африки. 4) Мы считаем заявление Временного правительства от 27 марта о целях войны первым шагом по пути отказа от империалистических стремлений старого дореволюционного правительства. 5) Вторым шагом должно быть опубликование договоров и соглашений, заключённых Россией с союзниками, поскольку в этих договорах нет военной тайны, и немедленное аннулирование тех из них, которые предусматривают аннексии и разделы в Европе, Азии и Африке. 6) Мы считаем необходимым защищать Россию от

⁴¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 1916, д. 366, т. 2, л. 285–285 об.

⁴² Движение Алаш... Т. 1. С. 261.

всяких вражеских посягательств и во имя войны за свободу нести в жертву все наши силы и всё наше достояние»⁴³.

Спустя несколько месяцев к заседанию Предпарламента Цаликов подготовил ещё одну речь, посвящённую отношению мусульманского населения к международным проблемам. От имени всего многомиллионного мусульманского населения России он заявлял, что в вопросах внешней политики «жизнь катится по проторенному руслу царского империализма». Мусульмане хотели, продолжал он, поставить перед Временным правительством новые великие государственные задачи для «действительного придания войне освободительного характера во всём мире – в Европе, в Азии и в Африке (курсив Цаликова. – С.И.). А при невозможности – принятия всех мер к её немедленной ликвидации»⁴⁴.

Причины такого разочарования внешней политикой Временного правительства со стороны мусульманского гражданского населения и солдат раскрыл Г. Исхаки в своей статье «Тайные соглашения», опубликованной в газете «Иль» 15 ноября 1917 г.: «Всем известно, что с началом войны и в период её продолжения периодическая печать и общественное мнение наших союзников, а вслед за ними и пресса России морочили всем голову, делая заявления в духе: “Мы воюем за свободу, мы сражаемся во имя защиты прав малых народов”... Стало быть, если бы не произошла революция и война бы продолжилась, то наши тюрко-татарские солдаты продолжали бы сражаться против турок, разрушая свою веру; наше миллионное мусульманское войско и дальше бы проливало кровь ради завоевания священных религиозных земель и передачи их в руки англичан и французов, грабителей мусульманских областей... Мы были обмануты в прошёлшей войне»⁴⁵. В этих словах писателя – подтверждение тому, что не только солдаты-мусульмане, но и мусульманское население в целом, с радостью приветствовавшие падение самодержавия в России, не поддержали внешнюю политику новой власти, в особенности её агрессивные планы в отношении Турции.

Мусульмане, безусловно, приветствовали принятые уже большевистским правительством во главе с В.И. Лениным «Декларацию прав народов России» (2 ноября 1917 г.), провозгласившую право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, а также обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября). В последнем, в частности, подчёркивалось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа... устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это... Мы идём к честному демократическому миру. На наших знамёнах несём мы освобождение угнетённым народам мира»⁴⁶.

Между тем после подписания большевиками Брестского мира в марте 1918 г. возникла угроза вторжения германских войск в Среднюю Азию. Летом того же года Чокаев писал: «Опьянённая своими успехами в Украине и

⁴³ Цаликов А. Мусульмане России и война. Речь, произнесённая на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 года. Пг., 1917. С. 14–15.

⁴⁴ Известия Всероссийского мусульманского совета (Петроград). 1917. 27 октября.

⁴⁵ Исхаки Г. Указ. соч. Т. 9: Публицистика (1917–1926). Казань, 2012. С. 209–213 (на татар. яз.).

⁴⁶ Правда. 1917. 28 ноября.

Европейской России Германия в последнее время совершенно открыто проявляет намерения захватить пути в Среднюю Азию... Нынешнее движение германцев через Украину имеет направление на Среднюю Азию с Чёрного и Каспийского моря, с одной стороны, через Астрахань, Самару, с другой – немцы прилагают все усилия, дабы проложить себе пути в “Золотой Туркестан”... достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, как сильно подвергалась бы опасности Индия, если бы немцам удалось проникнуть в Среднюю Азию, которую отделяет от Индии лишь Афганистан⁴⁷. И хотя после Ноябрьской революции 1918 г. в Германии эта угроза миновала, тем не менее мусульманские дипломаты были намерены получить гарантии от победивших в мировой войне стран.

Даже оказавшиеся под властью белогвардейцев пытались отстаивать интересы мусульманского населения на международном уровне. С этой целью, например, уехавший из колчаковской Сибири в Харбин Исхаков подготовил «Декларацию мусульман», которая была вручена депутату Учредительного собрания эсеру Е.Е. Лазареву⁴⁸, чтобы тот переправил её на Версальскую мирную конференцию. В этой декларации Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири (создано летом 1917 г. и находилось первое время в Уфе) заявлялось, что мусульмане всей бывшей Российской империи заинтересованы в решении вопросов послевоенного устройства мира. В декларации также указывалось: ни один вопрос, касающийся России, не может и не должен быть решён без участия кровно заинтересованных в её судьбе мусульман; на мирную конференцию в Париже представители мусульманского населения бывшей Российской империи должны быть приглашены с правом решающего голоса; всем российским мусульманам должно быть предоставлено право на национальное самоопределение по их собственному свободному усмотрению; всякие военные действия и приготовления к войне должны быть прекращены с установлением прочного мира для всех народов Европы, Азии и Африки и с предоставлением каждому из них права на полное национальное самоопределение⁴⁹. Причины обоснованности таких заявлений мусульман в адрес мирной конференции были раскрыты в воззвании к Верховному совету от 10 января 1920 г., которое подготовил находившийся в Париже председатель делегации и Национального управления С. Максудов (татарин, кадет, депутат II и III Государственных дум и Учредительного собрания). В воззвании говорилось о том, что мусульмане России после окончания войны ожидали от победы союзников, помимо удовлетворения своих патриотических чувств, также морального вознаграждения в виде большей национальной свободы и справедливого обращения с Турцией и её султаном. Они считали, что заслужили это право ценой жизни сотен тысяч своих сынов, павших на полях сражений⁵⁰.

В ожидании были и мусульмане, по тем или иным причинам не воевавшие. Так, оказавшийся в эмиграции после окончания войны азербайджанский социалист М. Расулзаде (в 1917 г. один из лидеров главной политической партии Азербайджана «Мусават», депутат российского Учредительного собрания, а в

⁴⁷ Власть народа. 1918. 11 июля.

⁴⁸ ГА РФ, ф. Р-7067, оп. 1, д. 195, л. 1, 9.

⁴⁹ Там же, ф. Р-9431, оп. 1, д. 225, л. 14 об.

⁵⁰ Archives du Ministere des Affaires Etrangeres de France, serie E. Sous-serie Russie d'Asie, dossier 40, f. 138–142.

1918 г. – Закавказского сейма и председатель Национального Совета Азербайджана) писал, что азербайджанский тюрк ждал от мировой войны и Российской революции результата, «долженствующего» обеспечить свободу и власть его народа⁵¹. Также находившийся в эмиграции Топчибашев, имея в виду всех мусульман бывшей империи, отмечал, что «безотрадная жизнь мусульман ставила перед ними вопросы о необходимости улучшения жизни и её неприглядных условий, заставляла их искать для этого путей и, укрепляя их во мнении, что “в единении – сила”, учила их ставить и защищать существенные вопросы политического, гражданского и религиозного равноправия... Так готовились мусульмане к разрешению кардинальных вопросов государственно-политических и социально-экономических будущей России, в составе которой они мыслили себя и основательно важным элементом, *долженствующим* занять достойное место равноправного члена»⁵².

Цаликов, во время Гражданской войны возглавлявший Союзный меджлис горцев Кавказа (находился в Тифлисе), в издаваемой им газете в конце 1920 г. напечатал произнесённую им на Всероссийском мусульманском съезде в Москве в мае 1917 г. речь о войне и мусульманах. В предисловии к докладу он отметил: «Резолюция, предложенная мной, была единогласно, при бурных овациях, принятая делегатами съезда. В той резолюции, можно сказать не преувеличивая, отразились чаяния демократии всех мусульманских народов России. Теперь, когда идёт ликвидация мировой войны, воспоминание об этих чаяниях имеет не один только исторический смысл, и ознакомление с этой речью не лишено значения для политических деятелей государств, находящихся на рубеже мусульманского Востока». В газетном тексте Цаликов добавил ещё несколько важных уточнений: «Но мусульмане остаются в то же время и мусульманами – особой культурно-исторической формацией, особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь особые общие мусульманские идеалы и интересы как внутри России, так и вне её... Мы, демократия мусульманских народов России, считаем источником мировой войны империалистические стремления господствующих классов Европы»⁵³. Одной из целей автора, не только лидера Всероссийского мусульманского совета, но и теоретика демократического общемусульманского движения, была поддержка национально-освободительной борьбы народов стран Азии и Африки, остававшихся колониями европейских государств. Но на Парижской мирной конференции добиться своих целей мусульмане России так и не смогли.

Таким образом, около миллиона башкир и татар, в том числе крымских, воевали с врагами России во время Первой мировой войны, исполняя свой воинский долг перед Родиной и не проявляя антироссийских настроений. Однако все жертвы оказались напрасными, с точки зрения воплощения в жизнь столь ожидаемых ими перемен, а планы мусульманских политиков так и остались нереализованными. Не добившись коренного улучшения положения мусульман ни от царского, ни от Временного, ни от Советского правительства, многие мусульманские лидеры отправились в эмиграцию в Европу. Однако и там они не нашли понимания со стороны западных политиков, в ходе войны громко заявлявших о поддержке прав малых народов.

⁵¹ Расулзаде М.Э. Сборник произведений и писем. М., 2010. С. 43.

⁵² Из истории азербайджанской эмиграции... С. 133–134.

⁵³ Вольный горец (Тифлис). 1920. 31 декабря.